

ПОЧЕМУ РЫБЫ БЫЛИ СОЗДАНЫ РАНЬШЕ ЗВЕРЕЙ? ИДЕИ ИОАННА ФИЛОПОНА О ПОРЯДКЕ СОТВОРЕНИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Д. А. ЧЕРНОГЛАЗОВ

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Санкт-Петербургский государственный университет
d_chernoglazov@mail.ru

DMITRII CHERNOGLAZOV

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg University

WHY WERE FISH CREATED BEFORE TERRESTRIAL ANIMALS?

JOHN PHILOPONUS' IDEAS ABOUT THE ORDER OF CREATION OF LIVING BEINGS

ABSTRACT: The article analyzes the first chapter of the fifth book of John Philoponus' treatise *De opificio mundi*, where the author explains the order of creation of living beings – plants, fishes, birds, terrestrial animals and man. The reasoning of Philoponus is considered in the context of the previous exegetical tradition. The originality of Philoponus in both ideas and methods of commenting on the Old Testament text is demonstrated. Philoponus' basic idea, according to which the creation of living beings progressed from less perfect to more perfect forms, is completely uncharacteristic of his Christian predecessors. Parallels are considered with the "Homilies on Hexaemeron" by Basil the Great, with the "Apology for the Hexaemeron" by Gregory of Nyssa, and with the treatise "On the Creation of the Cosmos according to Moses" by Philo of Alexandria. The similarity with Philo's text, where he also discusses the order of creation of animals, seems to be the most significant. It is determined in what John Philoponus agrees with Philo, and in what he diverges from him. The question of the direct dependence of Philoponus' text on the treatise of Philo of Alexandria is raised.

KEYWORDS: John Philoponus, *De opificio mundi*, Hexaemeron, creation of animals, Philo of Alexandria, Basil the Great.

* Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

Иоанн Филопон (ок. 490 – ок. 575) – одна из важнейших фигур в византийской философии и теологии VI в. Его трактат «О сотворении мира», являющий собой детальное толкование на Шестоднев, уже несколько десятилетий остается в центре внимания византинистов¹. О трактате написано несколько монографических исследований, в которых ученые сформулировали основные идеи и подходы Филопона к толкованию ветхозаветного текста, указали на ряд расхождений между Филопоном и представителями антиохийской богословской школы². Однако многое еще предстоит изучить, и одна из важных задач, стоящих перед исследователями – детально рассмотреть трактат Филопона в контексте экзегетической традиции, определить его соотношение с текстами предшественников – комментаторов книги Бытия, выяснить, чьи суждения он повторял или развивал, а с кем полемизировал, в каких случаях следовал в русле предшествующей традиции, а в каких отходил от нее или противопоставлял себя ей. Такое исследование позволит глубже понять взгляды Филопона, выраженные в трактате «О сотворении мира», и точнее определить его место в ранневизантийской традиции толкований на Шестоднев.

В одной статье невозможно, разумеется, предпринять такое исследование не только в масштабах всего труда, но даже и в пределах одной из восьми его книг. Мы обратимся к пятой книге, полностью посвященной сотворению животных – это одна из наименее изученных частей трактата – и сосредоточимся на первой главе этой книги, где Филопон рассматривает порядок творения живых существ, дабы потом перейти к толкованию отдельных словесных формулировок, содержащихся в Быт. 1. 20–25. Этот достаточно пространственный пассаж очень важен для понимания взгляда автора не только на сотворение животных, но и на всю историю творения, однако специальных исследований о нем не издавалось. Мы рассмотрим это рассуждение

¹ Опубликовано два критических издания трактата: Reichardt 1897, Scholten 1997 (с немецким переводом). Цитируя текст трактата, мы будем ссылаться на издание К. Шольтена. Далее сокр.: ОМ.

² Scholten 1996; Pearson 1999; Fladerer 1999; Elweskiöld 2005. Библиографию см. также в статье: Ноговицин, Шукин 2021.

александрийского философа в сопоставлении с комментариями предшествующих христианских авторов, таких как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Севериан Габальский, Дидим Слепец, Евсевий Эмесский и другие. Также для сравнения будут привлекаться катены на книгу Бытия и толкование на книгу Бытия Прокопия Газского, где содержится множество эксцерптов из комментариев и иных текстов, полностью до нас не дошедших. Помимо христианской экзегетической традиции, мы будем обращаться к трактату Филона Александрийского «О сотворении мира согласно Моисею».

Первой главе пятой книги, которую нам предстоит анализировать, предпослано следующее заглавие: «Почему наземные животные появились не первыми и, таким образом, возникновение (γένεσις) перешло на появившихся из воды? И вообще о порядке [сотворения] всего возникшего, причем [рассказывается и о том], почему элементы являются неодушевленными, а растения – одушевленными» (ОМ 452.13–16)³. Далее следует текст (ОМ 452.17–462.13), который мы процитируем в русском переводе лишь с небольшими сокращениями:

«Я же, как и обещал в начале, постараюсь и здесь разъяснить словесные выражения, которые тяжело [понять] и которые, как кажется, не согласны с природой, а также показать, что и учение о подлежащих вещах поистине мудро и соответствует (ἀκόλουθον) тому, что уже было создано; но прежде, как обычно, подобает сказать об их порядке (τάξεως).

Почему же, когда было завершено благоустройство небес и на земле появились побеги растений, непосредственно вслед за тем (κατὰ τὸ συνεχές) не возникли земные животные, но, когда было завершено убранство земли, дело сотворения перешло ко второму из нижележащих элементов – воде, а после них, в третью очередь, был пернатыми благоустроен воздух? <О том, почему примыкающее к воздуху ὑπέκχαυμα не пригодно для существования живых существ> Поэтому и Платон говорит, что существует три рода смертных живых существ: наземные, водные и воздушные. Но здесь сперва передается о возникновении водных и воздушных [существ], а после него – о [возникновении] наземных, живущих в нижней части вселенной (ἐν τῇ πυθμένι τοῦ παντός) – на земле. Итак, что же мы скажем об этом?

Из подлунных тел (τῶν ἐν τοῖς ὑπὸ σελήνην σώματων) одни – одушевленные, а другие – неодушевленные; и одни – простые (ἀπλᾶ), а другие – сложные (σύνθετα); так вот, простые – я имею в виду элементы (στοιχεῖα), – как начала всех [тел], по-

³ Здесь и далее мы цитируем перевод V книги трактата «О сотворении мира» в отредактированном нами переводе Т. А. Сениной, который в настоящее время готовится к публикации.

явились прежде сложных, одушевленных и неодушевленных; а никакое из простых [тел] не является одушевленным – стало быть, и элементы тоже. *<О том, почему первоначально не являются одушевленными>.*

Посмотри же, как в природном порядке расположилось все возникшее (ἐν τάξει φυσικῇ πάντα ὑπέστη τὰ γενόμενα) и как сотворение продвигалось от менее совершенных (ἀπὸ τῶν ἀτελεστέρων) через некоторые промежуточные [сущие] (διὰ τινων μέσων) к самым совершенным: ибо после возникновения элементов Бог повелел, чтобы сначала земля произвела растения, обладающие самой низшей формой жизни – [способностью] питаться, расти и плодиться (ἔσχατον εἶδος ἔχοντα ζωῆς· τὸ θρεπτικὸν καὶ αὐξητικὸν καὶ γεννητικόν), – ведь говорят, что они и живут, и умирают, и поэтому они могут быть больными и здоровыми, молодыми и старыми, а отсюда ясно, что они одушевлены, обладая такой вот душой. Но они не причастны чувственному восприятию и движению с места на место, а также другим [способностям], которыми отличаются животные.

Второе же место в порядке возникновения одушевленных [существ] получили водные, поскольку и сам элемент вода – второй после земли; и они обладают жизнью более совершенной, чем [жизнь] растений: ведь они причастны чувственному восприятию и передвижению с места на место, но эти [способности] у них намного слабее, чем у воздушных [живых существ], поскольку и прозрачность и способность пропускать звук и запах у воды намного слабее, чем у воздуха – ведь тело воздуха состоит из тонких мелких частиц (διὰ τὴν τοῦ σώματος μὲν τοῦ αἰρίου λεπτομερείαν), а [тело] воды намного плотнее. Следовательно, и воображение (τὴν φαντασίαν), запечатлевающее и сохраняющее ощущения, у них тупее; ведь то, что и живущие в воде обладают воображением, очевидно из того, что они чередуют места [обитания], подходящие для [разных] времен года, а также узнают то, что вредит им, и избегают этого. Но из-за слабости воображения они пугливы, боязливы и неприручаемы (ἀτίθασα); также они лишены языка, который служит для сообщения об изменениях в воображении (τῶν ἐν τῇ φαντασίᾳ παθημάτων). Впрочем, говорят, что тюлени, приближаясь к берегам, испускают зловеющий рев, предвещающий слышащим [его], что к ним приближается смерть; [но] если это и истинно, одно не является опровержением всего. *<О рыбах, чьи звуки не являются голосом>.*

После этих [животных] появляются птицы. Ибо [Бог] говорит: «Да произведут воды пресмыкающихся душ живых и птиц, летающих над землей по тверди неба» (Быт. 1. 24), – а эти [последние] обладают более отчетливыми ощущениями, и более отчетливым воображением (ἐναργέστερας καὶ τὰς αἰσθήσεις ἔχει καὶ τὰς φαντασίας), чем водные [животные]; однако они тоже в большинстве своем дикие, особенно же те, которые, носясь по небу, поднимаются на большую высоту.

Наземные же животные совершеннее других и обладают ощущениями и воображением более отчетливым и близком к [обладанию] разумом (πλησιάζουσιν τῷ λόγῳ); некоторые из них умны (φρόνιμα), другие коварны и хитры, и предвидят будущее, а многие приручены, живут вместе с людьми и облегчают им тяжелые

труды: «Познал вол хозяина и осел ясли господина своего» (Ис. 1. 3). <Два примера преданности собак своим хозяевам>.

Вслед за тем последним из всех создается совершеннейшее животное – человек. Вот в таком порядке (τάξει) и происходит развитие природы (ἡ τῆς φύσεως πρόεισι γένεσις): ведь семя сходит бездушным во чрево и воспринимает там растительную жизнь, питаясь и возрастая; затем, по мере развития (προϊούσης τῆς γένεσεως), оно формируется, одушевляется и становится живым существом (ζῶον); затем, наконец, оно получает разумную душу и рождается совершенным человеком. И это было нами в других [трудах] отдельно рассмотрено и доказано, что разумную душу зародыш получает в материнской утробе. И это можно видеть уже по совершенным существам самим по себе: те, которые обладают превосходящими силами (τὰς κρείττονας ἔχει δυνάμεις), как человек – разумной (λογικῇ) [силой], имеют в качестве содействующих (ὀπηρετούσας) низшие [силы] – неразумную и растительную (τὴν ἄλογόν τε καὶ τὴν φυτικῇν), как и прочие животные вместе с бессловесной силой обладают и растительной; а обладающие более низшими [силами], разумеется, не имеют превосходящих, – ведь ни растения не обладают бессловесной силой, ни бессловесные – разумной. Итак, соответственно этому природному и неизбежному порядку, после появления элементов вторыми возникли, [уже из числа] одушевленных, растения, а третьими – животные, и это, опять-таки, в указанной [нами] последовательности; а последним из всех появляется человек, заключивший в себе более общим образом (γενικώτερον) все жизненные (ζωτικὰς) силы».

Если приведенную главу рассмотреть в контексте христианской экзегетической традиции, ее новаторский характер сразу становится очевидным. У предшественников Филопона мы не найдем пространных и подробных рассуждений о порядке сотворения живых существ. Некоторые из них – например, Василий Великий или Дидим Слепец – вообще ничего об этом не говорят, а другие, если и касаются этой проблемы, то концентрируются, по сути, на одном главном вопросе: почему человек был сотворен последним, и почему это служит не к унижению его, а к чести. Остальные живые существа – растения и животные – либо вовсе не упоминаются, либо о них говорится лишь кратко, и порядок сотворения трех родов животных – водоплавающих, воздушных и сухопутных – вовсе никак не объясняется. Например, в комментариях Севериана Габальского (PG 56. 462. 44–58) и Евсевия Эмесского (Petit et al. 2011, 262 – 264, ad Gen. 1.11) говорится о том, почему животные были созданы после растений, а человек – после животных, а в комментарии неизвестного автора, сохранившемся в катенах, разъясняется, почему явлению человека предшествовало сотворение солнца, неба и света (Petit 1991, p. 129, p. 101). Порядок сотворения различных родов животных рассматривается

лишь в двух комментариях. Во-первых, Геннадий Константинопольский задается вопросом, почему плавающие и летающие животные были созданы на пятый день, а сухопутные – на шестой (Petit 1986, n. 59, p. 55–56). Во-вторых, Севериан Габальский разъясняет, почему первыми из всех животных Бог сотворил водоплавающих (PG 56. 457.54–458.20; 458.50–459.2).

Следует отметить, что интерес Филопона к вопросам порядка творения проявляется не только в отрывке, который мы анализируем. Так, в конце третьей книги содержится пространная глава «О порядке частей мироздания и о том, почему твердь и воздух названы небом» (ОМ III. 17), из которой мы узнаем следующее: первоэлементы были «по справедливости» сотворены раньше того, что из них состоит, потому что «простое предваряет сложное по природе, а часто и во времени» (ОМ, 2, р. 364. 16–19); небо «предшествовало в существовании (προϋπῆρξε) вообще всему», потому что оно все объемлет и является пределом и связью всех вещей (ОМ, 2, р. 364. 21–24); твердь была создана прежде светил, потому что именно на ней они располагаются, и прежде того, что на земле и в водах, потому что оно «объемлет» все эти вещи и «является содействующей причиной бытия того, что внутри нее» (ОМ, 2, р. 364.27–366.4). Далее, четвертая книга открывается пространным рассуждением о том, почему светила не были созданы прежде того, как земля украсилась растениями, и почему Моисей рассказал об их сотворении именно в таком порядке (ОМ IV. 1). Так, в трактате «О сотворении мира» более или менее глубоко разъясняется последовательность создания всего, что возникло за шесть дней творения (неба и земли, первоэлементов, небесной тверди, растений, светил, водоплавающих, воздушных и земных животных и человека) – для Филопона крайне важно обосновать порядок сотворения всех вещей и живых существ, показав, что он согласуется с природным устройством мироздания.

Предшественники Филопона, в целом, уделяют этим вопросам меньше внимания. К вопросу о порядке творения комментаторы обращаются лишь sporadически, из разрозненных замечаний не складывается целостной картины. В основном, авторы концентрируют внимание на двух ключевых вопросах: почему светила были созданы после растений⁴ и почему человек был сотворен последним⁵. Разумеется, есть и исключения: Иоанн Златоуст задается вопросом, почему Бог создал сначала небо, а потом землю (PG 54. 585. 14–18), а неизвестный автор объясняет, почему день и ночь были созданы

⁴ Напр.: Petit 1991, n. 71, p. 45; Metzler 2015, p. 42. 27–31

⁵ Примеры см. выше.

прежде солнца (Petit 1991, п. 65, р. 41–42). Однако, как мы уже указывали, систематически к этой теме до Филопона ни один комментатор не обращался.

Кроме того, в качестве параллели к трактату Филопона можно назвать «Защитительное слово о Шестодневе» Григория Нисского, в котором высказывается идея, что все сущее создавалось «не по какому-либо самопроизвольному совпадению и не вследствие некоего беспорядочного и случайного движения» (οὐκ αὐτομάτῳ τινὶ συντυχίᾳ, κατὰ τινὰ ἄτακτον καὶ τυχαίαν φοράν – PG 44. 72. 37–38), но «частное проявление [вещей], созерцаемых в мире, совершилось в некоем природном порядке и в последовательности (τάξει τινὶ φυσικῇ καὶ ἀκολουθίᾳ) на протяжении определенного времени» (PG 44. 120. 21–23). Между тем, сформулировав этот принцип, весьма созвучный позднейшим идеям Филопона, Григорий доводит свои рассуждения только до четвертого дня и никак не затрагивает порядок сотворения живых существ.

Итак, Иоанн Филопон – первый из известных нам христианских комментаторов книги Бытия, который планомерно и детально разъясняет порядок создания живых существ, включая три рода животных. Это первое, совершенно очевидное отличие его трактата от предшествующей традиции толкований на Шестоднев. Второе отличие заключается в том, что, разъясняя одни и те же вопросы, связанные с очередностью творения живых существ, Филопон и его предшественники прибегают к разным аргументам, используют разные методы толкования ветхозаветного текста. Несколько примеров помогут разъяснить суть этих различий. Так, согласно Филопону, животные были сотворены после растений, потому что они обладают способностями чувствовать и двигаться и потому совершеннее растений; согласно Евсевию Эмесскому (Petit et al. 2011, 264, ad Gen. 1.11. 5–6) и Севериану (PG 56. 462. 52–56), растения возникли раньше, поскольку для животных надо было заготовить еду – если бы животные появились прежде трав и деревьев, им попросту нечем было бы питаться! Согласно Филопону, человек был сотворен последним, поскольку он – «совершеннейшее животное», а его совершенство обусловлено тем, что он «наиболее общим образом включает в себе все жизненные силы». Согласно предшествующим толкователям, сперва создаются «средства к жизни, а потом вводится тот, кто будет этими средствами пользоваться» – животные необходимы человеку для жизни, и потому он был сотворен после них (Petit et al. 2011, 264, ad Gen. 1.11. 8–10; PG 56. 462. 56–58). Кроме того, используется образ человека как владыки, причем не только над рыбами, птицами и зверьми, но и над всем творением, и весь процесс творения до человека представляется как предуготовление к приходу «царя», «владыки» и «домоправителя». Комментарии на эту тему превращаются в развернутые сравнения, как, например, в словах неизвестного автора:

«Если [человек] почтеннее всего мира, то почему, говорят, он производится позже [всего] мира? По той самой причине, что он почтеннее всего мира. Подобно тому, как, когда василевс собирается въехать в город, все воеводы, начальники и копьеносцы, как рабы, забегают вперед него, чтобы, подготовив царский дворец и позаботившись обо всем остальном, с великими почестями принять василевса – так и здесь, словно перед введением василевса, заранее вышло солнце, заранее явилось небо, заранее воссиял свет, заранее все было сделано и приготовлено, и тогда уже, позже, с великими почестями вводится человек» (Petit 1991, p. 129, p. 101).

Столь же выразительное сравнение из сферы придворного церемониала содержится в еще одном анонимном комментарии, сохранившемся в переложении Прокопия Газского: «Это [т.е. сотворение светил] подобно подготовке к пиршеству: во-первых – очищение места, во-вторых – приготовление яств, в-третьих – возжжение огня, а затем – вступление пирующих, причем сперва идут неразумные слуги, а вслед за тем является разумный владыка» (Metzler 2015, p. 44. 4–8).

То, насколько по-разному Филопон и его предшественники подходят к разъяснению порядка творения, особенно ясно, если сопоставить рассуждения Филопона и Севериана Габальского. Севериан, по сути, отвечает на тот же вопрос, который эксплицитно сформулирует Филопон: почему создание живых существ началось именно с водоплавающих? Севериан разъясняет этот вопрос двояко. Первое объяснение строится на том тезисе, что вещи украшались в том же порядке, в каком они творились. Бог создал землю, затем сотворил твердь небесную, а потом отделил воду – в том же порядке Он их и украшал: сначала земля была украшена растениями и плодами, затем небо – солнцем, луной и звездами, а потом, наконец, пришла очередь воды, которая украсилась рыбами. Такой принцип объясняется тем, что «должно было соблюсти старшинство (τὰ πρεσβεῖα)». «С какою же целью Он так делал?» – задается вопросом комментатор: «Может быть, Он хотел научить нас почитать пределы самих стихий и [даже в них] познавать порядок?» (PG 56. 457.54–458.20) Так толкование приобретает отчетливый нравственно-дидактический характер – творение понимается как преподанный Богом урок, призванный научить людей, что везде, даже среди первоэлементов, действует τὰξίς. Разъясняя тот же вопрос вторично, Севериан прибегает к типологическому методу. По мысли толкователя, исход первых животных именно из воды есть прообраз крещения в водах Иордана:

«Итак, поскольку Он намеревался даровать миру жизнь впервые чрез воды, то и повелевает прежде всего водам произвести живородную природу, чтобы ты узнал, откуда корень жизни. Когда я вижу, как выходят из святых вод просвещенные, как они приступают к крещению со многими пороками, словно гады, а выходят с жизнью вечной, то вижу Законодателя, который говорит: “да изведут воды тех, которые были некогда гадами, а ныне суть душа живая”» (PG 56. 458. 50–58).

Севериан двумя способами разъясняет, почему водоплавающие животные были созданы первыми, и оба его объяснения, детальные и продуманные, не имеют ничего общего со словами Филопона. Иоанн не трактует порядок творения как урок, преподанный Богом, не видит в нем прообраз новозаветных событий, но подчеркивает соответствие между порядком творения и природной иерархией живых существ: водоплавающие были сотворены после растений, но прежде летающих только потому, что они более совершенны, чем растения, но менее совершенны, чем птицы.

Не только в исследуемом отрывке пятой книги, но и в других случаях Филопон интерпретирует порядок творения совершенно иными способами, нежели его предшественники⁶. Ограничимся сопоставлением того, как Иоанн Златоуст и Иоанн Филопон отвечают на один и тот же вопрос: почему небо было сотворено первым? Златоуст пишет:

«В начале сотворил Бог небо и землю». Что же это? Сначала – небо, а потом – землю? Сначала – кровлю, а потом – пол? Но ведь Он не подвластен природной необходимости и не служит последовательности, [присущей] ремеслу – воля Божья есть творец и создатель и природы, и ремесла, и всего сущего» (PG 54. 585. 14–18).

Филопон отвечает более кратко, но вполне ясно: «Небо же, как охватывающее всё и будучи как бы границей и связью всех сущих, предшествовало в бытии всему вообще» (ОМ, 2, р. 364. 21–23), а в предыдущей фразе сформулирован четкий принцип: «один пришел в бытие первым или вторым по отношению к другому, согласно некоему природному закону» (*κατά τινα λόγον φυσικόν* – 20–21). Перед нами два совершенно разных подхода к толкованию книги Бытия: по словам Златоуста, порядок творения не подвластен природной необходимости (*ἀνάγκη φύσεως*), а Филопон усматривает в нем «природный закон» (*λόγον φυσικόν*) и дает ему рациональное объяснение. В отношении аргументации и методов комментирования наиболее близкой параллелью к трактату

⁶ О методах толкования книги Бытия, используемых Иоанном Филопоном, см. также: Ноговицин 2022.

Филопона также оказывается уже упоминавшееся «Защитительное слово о Шестодневе» Григория Нисского. Разъясняя широко обсуждавшийся вопрос о времени сотворения светил, Григорий – в отличие от многих других толкователей – предлагает естественнонаучное объяснение. Прочитируем лишь итог этого пространного рассуждения:

«Итак, это происходит в четвертый день, не потому что тогда создан свет, но потому что светоносное свойство собралось вокруг естественного и соответствующего ему, и явились как прочие звезды, так и солнце и луна, видимые, в сравнении с прочими, в большем объеме, и в первоначальном основании возникновения [этих светил] восприняло начало от света, но состав каждого светила приведен в совершенство в три дня; потому что все движущееся непременно движется во времени, и для взаимного схождения частей нужно некоторое продолжение времени» (PG 44. 120. 7 – 17).

В рамках настоящей статьи мы не будем останавливаться на том, в какой мере Филопон следовал идеям Григория, а в чем с ним расходился – в науке это уже исследовалось (Fladerer 1999, 188–205, 235–237). Подчеркнем лишь, что «естественнонаучный» принцип толкования, привлеченный Григорием Нисским для разъяснения времени сотворения светил, в трактате Иоанна Филопона используется регулярно и последовательно – в частности, чтобы объяснить порядок сотворения живых существ, который в «Защитительном слове» Григория вообще не обсуждался.

Итак, в отличие от предшествующих толкователей Шестоднева, Иоанн Филопон, во-первых, последовательно разъясняет порядок творения всех живых существ, от растений до человека, а во-вторых, исходит в своем толковании из одного-единственного тезиса – живые существа творились от менее совершенных к более совершенным – не прибегая ни к нравственному, ни к типологическому комментарию, ни к каким-либо иным идеям и образам, которые к тому времени превратились уже в *loci communes* толкований на Шестоднев. В трактате Филопона выстраивается полноценная *scala naturae*, включающая растения, водоплавающих, летающих и сухопутных животных и, наконец, человека. Критериями, на основании которых растения и животные располагаются по ступеням этой лестницы, становятся чувства (*αἰσθήσεις*), воображение (*φαντασία*) и разум (*λόγος*): у растений чувств и воображения нет вовсе – у рыб чувства и воображение слабы – у птиц они более отчетливы – наземные животные наделены ими в столь высокой мере, что близки к обладанию разумом – человек разумен. Эти рассуждения прочно укоренены в античной натурфилософской традиции – в словах Филопона

можно найти немало параллелей как с трактатами Аристотеля «О душе» и «О частях животных», так и с комментариями к этим текстам⁷.

Было бы опрометчиво утверждать, что идея *scala naturae*, основанной на тех же принципах аристотелевской традиции, совершенно чужда христианским предшественникам Филопона – комментаторам Шестоднева, но там она появляется лишь в виде отголосков и по другому поводу. Процитируем пассаж из «Бесед на Шестоднев» Василия Великого, призванный объяснить, почему вода производит «пресмыкающихся душ живых» (ἐρπετὰ ψυχῶν ζώων), а земля – «душу живую» (ψυχὴν ζώσαν). Василий отвечает так:

«Мы полагаем, что природа плавающих причастна, по-видимому, менее совершенной жизни (ἀτελεστέρᾳ... ζωῆς), потому что они обитают в толще воды. И слух у них тяжел, и видят они смутно, потому что смотрят сквозь воду, у них нет ни памяти, ни воображения, ни понятия о привычке. Поэтому слово как бы показывает, что в водных животных плотская жизнь управляет душевными движениями; а в сухопутных животных, так как жизнь в них совершеннее, все владычество вручено душе. Ведь у большинства четвероногих чувства более ясны, восприятия настоящего более острые, а воспоминания о прошедшем более точны. Поэтому, как кажется, у водных тела сотворены одушевленными – ведь «пресмыкающиеся душ живых» изведены из воды – у сухопутных же повелено произойти душе, управляющей телом, поскольку обитающие на земле несколько более причастны жизненной силы. Ведь хотя и сухопутные животные бессловесны, каждое из них своим природным голосом выражает многие из душевных состояний, ибо и радость, и скорбь, и признание привычного, и недостаток пищи, и разлуку с пасущимися вместе, и другие многие состояния оно выказывает звуком. Водные же [животные] не только безгласны, но также и не укрощаемы, не обучаемы и ни к какому общению в жизни с людьми не способны» (Giet 1968, 8. 1. 24 – 48).

Этот пассаж из «Бесед на Шестоднев», почти дословно скопированный и Прокопием Газским (Metzler 2015, 61.11 – 62.2), был, безусловно, известен Филопону, но нельзя сказать, что *scala naturae* Филопона восходит к словам Василия. С одной стороны, между двумя текстами существуют очевидные параллели: и Василий, и Иоанн утверждают, что сухопутные животные «совершеннее» водоплавающих; оба автора обращают внимание на то, что у

⁷ Параллели с аристотелевской традицией, содержащиеся в V и VI книгах трактата «О сотворении мира», рассматриваются в статье О. Н. Ноговицина и М. Н. Варламовой «Физическое толкование порядка творения живых существ в V и VI книгах трактата Иоанна Филопона «О сотворении мира»: «души живые» книги Бытия и школьное неоплатоническое учение о душе». В настоящее время статья готовится к публикации.

водоплавающих чувства более притупленные, чем у сухопутных, и для обоих это связано со средой обитания этих родов животных; оба автора указывают на то, что водоплавающие, в отличие от сухопутных, лишены голоса и не поддаются приручению. Однако, с другой стороны, различия еще более существенны:

Во-первых, рассуждение Василия касается лишь двух родов животных – водоплавающих и сухопутных – а Иоанн Филопон выстраивает всеобъемлющую *scala naturae*, включающую и растения, и человека, и три рода животных.

Во-вторых, Иоанн разрабатывает более тщательную аргументацию. В отличие от Василия, он объясняет, почему у тех, кто живет в воде, хуже развиты чувства, чем у обитающих на земле и в воздухе – тело воздуха состоит из более тонких частиц, чем тело воды, и потому он прозрачнее и лучше пропускает звук и запах; если Василий просто упоминает о том, что водоплавающие животные безгласны и не укрощаемы, то Иоанн напрямую связывает эти их качества со слабостью воображения, и, в результате, выстраивается непрерывная цепочка причин и следствий: среда обитания влияет на остроту чувств, острота чувств влияет на силу воображения, а сила воображения влияет на способность к обучению и приручению и на наличие / отсутствие голоса.

В-третьих, в одном аспекте Филопон явно расходится с Василием. Василий отмечает, что водоплавающие животные вовсе лишены воображения, а Филопон – в строгом соответствии с аристотелевской традицией – настаивает, что воображение у водоплавающих есть, но развито у них слабее, чем у остальных животных. Иоанн не просто утверждает наличие воображения у этого рода животных, но и особо доказывает этот тезис, приводя несколько примеров. Создается впечатление, что Филопон отстаивает его в полемике с неким оппонентом – возможно, именно с Василием Великим, на чьи «Беседы на Шестоднев» он не раз ссылается в своем трактате⁸.

Итак, мы показали, что рассуждение Филопона о порядке сотворения живых существ абсолютно оригинально, если его рассматривать в контексте христианской экзегетической традиции – параллели удалось найти лишь с пассажем из «Бесед на Шестоднев» Василия Великого, с которым Иоанн, вероятно, косвенно полемизирует. Однако вне христианской традиции все же есть один памятник, с которым рассуждение Филопона обнаруживает явное

⁸ Напр.: ОМ 1, р. 86. 4; 104. 4–5; 230. 1.

сходство – это трактат «О сотворении мира согласно Моисею» Филона Александрийского⁹. Рассказав о сотворении трех родов животных, Филон берется объяснить, что Бог производил живых существ «в прекраснейшей связной последовательности» (παγκάλῳ τῷ τῆς ἀκολουθίας εἰρμῷ). Филон пишет следующее:

Ведь в [сухопутных и воздушных животных] душа более чувствительна, чем в рыбах, но менее отчетлива, чем в человеке. Поэтому первыми из одушевленных существ Он породил рыб, причастных более телесной, чем душевной сущности, в некотором смысле живых и неживых, подвижных бездушных, [у которых] лишь для сохранения их тел, словно соль в мясо, добавлено некое подобие души, чтобы они попросту не погибали. После же рыб [Он создает] птиц и сухопутных животных. Ведь они уже более чувствительны и в своем устроении являют более определенные признаки одушевленности. И после всех них, как я сказал, [Он создает] человека, которого наделяет исключительной разумной способностью, некоей душою души, подобно зрачку в оке... Итак, тогда все возникло сразу. Но, несмотря на то, что все возникло разом, необходимо признать, что порядок был предусмотрен и в готовом продолжиться возникновении одного из другого. В том же, что возникает постепенно, присутствует следующий порядок: природа начинается ничтожнейшим, а завершается наилучшим из всего. Следует пояснить, как это происходит. Семя является началом появления живых существ. С виду оно есть нечто ничтожнейшее, подобное пене. Но когда оно, попадая в материнское чрево, укрепляется, то, тотчас приобретая движение, превращается в природу. Природа же лучше семени, хотя бы потому что движение в возникших [существах] лучше покоя. Она, как мастер или, точнее сказать, как безупречное мастерство, создает живое существо, распределяя влажную сущность по членам и частям тела, а духовную – по способностям души, питательной и чувственной. Ведь мыслительную способность на сегодняшний день нужно относить к более позднему времени, следуя мнению тех, кто утверждает, что мысль, будучи вечной и божественной, привходит извне. Таким образом, природа начинается простым семенем, а завершается наиболее значимым – образованием животного и человека. То же самое происходит и при появлении всего. Ибо, когда Создателю стало угодно сотворить живые существа, первые по порядку были в некотором смысле ничтожнейшие, рыбы, а последние – наилучшие, люди, остальные же – между этими крайностями, лучше первых, но хуже последних, сухопутные [животные] и птицы (Cohn 1962, 65–68)¹⁰.

⁹ Сходство изучаемой нами главы с трактатом Филона Александрийского в науке уже отмечалось. См. Баранов 2022, 343–344. См. также приложение к статье, там же, 358–362.

¹⁰ Текст Филона Александрийского цитируется в переводе А. В. Вдовиченко (Вдовиченко 2000) с незначительными изменениями.

Нетрудно заметить, что в рассуждениях Филона Александрийского и Иоанна Филопона присутствует ряд общих черт, совершенно не характерных для предшествующей Филопону христианской экзегетической традиции. Во-первых, только эти два автора формулируют единый принцип, разъясняющий порядок творения всех животных – от рыб до человека. Во-вторых, этот принцип у обоих авторов – почти один и тот же: Филон говорит о последовательности от ничтожного к наилучшему (ἀπὸ τοῦ φαυλοτάτου... εἰς τὸ πάντων ἄριστον), а Филопон – от менее совершенного к самому совершенному (ἀπὸ τῶν ἀτελεστέρων... ἐπὶ τὰ τελειότατα). В-третьих, аргументация обоих авторов строится на основе античной натурфилософии и, прямо или косвенно, восходит к аристотелевскому учению о душе. В-четвертых, оба автора усматривают параллель между тем, в какой очередности творились живые существа, и тем, какие ступени развития проходит эмбрион.

Конечно, Филопон существенно развивает и трансформирует идеи, высказанные Филоном Александрийским, и мы бы не стали, вслед за В. А. Барановым, называть рассуждение Филопона «близким пересказом» текста Филона (Баранов 2022, 343): Филопон далек от мнения Филона, что рыбы – не вполне одушевленные существа, наделенные лишь подобием души (τὸ ψυχοειδές): согласно Филопону, им присущи не только чувства, но и φαντασία; если Филон объединяет летающих и сухопутных животных, то Филопон расставляет их по разным «ступеням» *scala naturae*, разъясняя, чем земные животные превосходят воздушных; Филопон вводит больше критериев, по которым один род животных превосходит другой – для него это не только острота чувств и отсутствие / наличие разума, но и сила воображения, способность к обучению и приручению, отсутствие / наличие голоса; по сравнению с Филоном, Филопон «удлиняет лестницу» и включает в нее не только животных, но и растения и даже первоэлементы; Филон и Филопон расходятся в том вопросе, на каком этапе развития эмбрион получает разумную душу¹¹. В конце концов, следует иметь в виду, что, говоря о «порядке» творения, Филон и Иоанн Филопон понимают его по-разному: согласно Филопону, творение вещей совершалось во временной последовательности, а согласно Филону, речь идет об умопостигаемом порядке, поскольку творение осуществилось единовременно (Cohn 1962, 13).

¹¹ О том, как развивались взгляды Филопона по этому вопросу, см.: Scholten 2005; Варламова 2020.

Однако, несмотря на эти, пусть и существенные различия, параллели между двумя текстами очевидны и нуждаются в объяснении. Основной вопрос, возникающий в этой связи, состоит в том, обращался ли Филопон напрямую к тексту Филона Александрийского, знал ли он вообще его трактат «О сотворении мира согласно Моисею», или этот труд был известен Филопону через некоего посредника?

С одной стороны, мы не можем исключать, что александрийский ученый VI в. читал трактат своего предшественника, в целом существенно повлиявший на христианские толкования книги Бытия. Косвенным аргументом в пользу этой версии может послужить то, что в единственной сохранившейся рукописи «О сотворении мира» Филопона содержится и трактат Филона¹² – по крайней мере, в XI в. византийская традиция включила эти тексты в один и тот же корпус.

С другой стороны, в трактате Филопона «О сотворении мира», насколько нам известно, нет ни одной цитаты из трудов Филона Александрийского, Филопон ни разу его не упоминает и не вступает с ним хотя бы в косвенную полемику. Кроме того, и в исследуемом нами пассаже, несмотря на ряд принципиально важных параллелей, почти вовсе отсутствует какая-либо общность с текстом Филона в лексике и терминологии. Вполне вероятно, что идеи Филона достигли нашего автора через посредство некоего раннехристианского комментатора, и можно даже осторожно предположить, что этим комментатором был Ориген. Однако комментарий Оригена на книгу Бытия до нас дошел лишь в немногих фрагментах, и его комментарии, посвященные сотворению животных, полностью утрачены¹³, так что проверить эту гипотезу не представляется возможным.

Пришло время подвести итоги нашего исследования. Как уже отмечалось учеными, цель Филопона как комментатора начала книги Бытия – указать на соответствие между словами Моисея о сотворении все вещей и явлениями эмпирически познаваемого мира. Поэтому Иоанн стремится показать, что рассказ Моисея о сотворении мира за шесть дней вполне может быть обоснован с позиций физики и аристотелевского учения о душе. Комментируя начало книги Бытия, Филопон исходит из этого принципа и существенно рас-

¹² Cod. Vindob. Theol. gr. 29. См. Hunger 1976, 48–50. В рукописи трактаты Филопона и Филона, озаглавленные сходным образом (Иоанн Филопон: *Τῶν εἰς τὴν Μωϋσέως κοσμογονίαν ἐξηγητικῶν λόγος πρῶτος*, Филон Александрийский: *Περὶ τῆς κατὰ Μωϋσέα κοσμοποιίας*), почти непосредственно примыкают один к другому.

¹³ Изд.: Metzler 2010. О комментариях Оригена на книгу Бытия см. также: Сидоров 2005.

ходится со всей предшествующей традицией, полемизируя не только с явными оппонентами – представителями антиохийской богословской школы, такими, как, например, Феодор Мопсуэстийский – но даже с Василием Великим. Эти расхождения в полной мере проявились в том отрывке, который был избран для анализа в рамках настоящей статьи – в начале пятой книги трактата, где разъясняется порядок сотворения всех живых существ.

Мы постарались показать, что исследуемый пассаж трактата, весьма важный для понимания натурфилософских взглядов Филопона, совершенно необычен в контексте христианской экзегетической традиции. Во-первых, Филопон был первым толкователем Шестоднева, который разъяснил последовательность создания всех живых существ, включая растения, три рода животных (водоплавающих, летающих и сухопутных) и человека – предшественники, в основном, ограничивались вопросом о том, почему человек сотворен последним. Во-вторых, порядок сотворения живых существ в трактате Филопона получает исключительно естественнонаучную интерпретацию, основанную на идеях и терминологии Аристотеля, тогда как, например, Севериан Габальский прибегал к нравственному и типологическому толкованию. Основной тезис Филопона – живые существа создавались в последовательности от менее совершенных к более совершенным – для предшествующей христианской традиции совершенно чужд.

В рассуждениях Филопона мы указали параллели с трудами двух каппадокийских богословов – Василия Великого и Григория Нисского, но эти параллели не приуменьшают оригинальность идей Иоанна: с Григорием его сближает лишь общий принцип естественного порядка, определившего последовательность сотворения сущих, а идеи Василия, касающиеся превосходства сухопутных животных над рыбами, в тексте Филопона развиваются и трансформируются. В чем-то Иоанн расходится с Василием, вступая с ним в косвенную полемику.

Наиболее явное сходство исследуемый пассаж Филопона демонстрирует не с христианской традицией, а с трактатом Филона Александрийского «О сотворении мира согласно Моисею». И Филон, и Иоанн Филопон разъясняют порядок сотворения всех животных; оба считают, что этот порядок определялся движением от менее совершенных к более совершенным существам; оба усматривают параллель в последовательности сотворения животных и в стадиях развития человеческого плода. Вопрос о том, был ли Филопон знаком с трактатом Филона Александрийского, или воспринял его идеи через посредника, например, Оригена, остается открытым.

Перспективной темой для дальнейших исследований могло бы стать выявление источников всего текста пятой книги трактата Филопона «О сотворении мира», полностью посвященной сотворению животных. В какой мере Иоанн полагается на предшествующую экзегетическую традицию, а в какой – на аристотелевское учение и на обширную античную литературу о животных? Такое исследование позволит глубже понять метод работы Филопона как комментатора Ветхого Завета и точнее оценить меру оригинальности его идей и рассуждений.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баранов, А. В. (2022) «Одушевление тела в трактате 'О сотворении мира' Иоанна Филопона», *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.)*. Отв. ред. О. Н. Ноговицин. СПб.: Издательство РХГА, 341–362.
- Варламова, М. Н. (2020) «Одушевление эмбриона в комментарии Иоанна Филопона на 'О душе' Аристотеля», *Платоновские исследования* 13.2, 157–173.
- Вдовиченко, А. В., пер. (2000) *Филон Александрийский. "О сотворении мира согласно Моисею"*, Филон Александрийский, Толкования Ветхого завета. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 51–113.
- Ноговицин, О. Н. (2022) «Между аллегорией и буквальным толкованием книги Бытия: экзегетический метод Иоанна Филопона в трактате 'О сотворении мира'» *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.)*. Отв. ред. О. Н. Ноговицин. СПб.: Издательство РХГА, 363–392.
- Ноговицин, О. Н., Шукин, Т. А. (2021) «Понятие о Боге как Творце в I книге трактата Иоанна Филопона 'О сотворении мира': богословская экзегеза и школьная неоплатоническая философия», *ESSE: Философские и теологические исследования* 6.1, 238–285.
- Сидоров, А. И. (2000) «Экзегетические труды Оригена: Толкования на Ветхий Завет», *Альфа и Омега* 1(42), 80–93.
- Cohn, L., ed. (1962) *Philonis Alexandrini opera quae supersunt*. Vol. 1. Berlin: Reimer, 1–60.
- Elweskiöld, B. (2005) *John Philoponus Against Cosmas Indicopleustes. A Christian Controversy on the Structure of the World in Sixth-century Alexandria*. Lund: Lund University, Department of Classics and Semitics.
- Fladerer, L. (1999) *Johannes Philoponos. De opificio mundi: Spätantikes Sprachdenken und christliche Exegese*. Stuttgart, Leipzig: B. G. Teubner.
- Giet, S., ed. (1968) *Basile de Césarée. Homélies sur l'hexaéméron*. Paris: Éditions du Cerf.

- Hunger, H., Kresten, O. (1976) *Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek 3,1: Codices theologici 1–100*. Wien: Prachner.
- Metzler, K., ed. (2010) *Origenes Werke mit deutscher Übersetzung. Band 1/1. Origenes. Die Kommentierung des Buches Genesis*. Berlin, New York: de Gruyter.
- Metzler, K., ed. (2015) *Prokop von Gaza: Eclogarum in libros historicos Veteris Testamenti epitome, Teil 1: Der Genesiskommentar*. Berlin, Munich, Boston: De Gruyter.
- Pearson, C. W. (1999) *Scripture as Cosmology: Natural Philosophical Debate in John Philoponus' Alexandria* (Dissertations. Harvard University).
- Petit, F., ed. (1986) *Catena Graeca in Genesim et in Exodum. II. Collectio Coisliniana in Genesim*. Turnhout: Brepols.
- Petit, F., ed. (1991) *La Chaîne sur la Genèse. Edition intégrale. I. Chapitres 1 à 3*. Louvain: Peeters.
- Petit, F., van Rompay, L., Weitenberg, J. J. S., eds. (2011) *Eusèbe d'Émèse, Commentaire de la Genèse. Texte arménien de l'édition de Venise (1980); fragments grecs et syriaques*. Leuven; Walpole, MA: Peeters.
- Reichardt, W., ed. (1897) *Joannis Philoponi de opificio mundi libri vii*. Leipzig: Teubner.
- Scholten, C. (1996) *Antike Naturphilosophie und christliche Kosmologie in der Schrift "De opificio mundi" des Johannes Philoponos*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Scholten, C. (2005) "Welche Seele hat der Embryo? Johannes Philoponus und die Antike Embryologie", *Vigiliae Christianae* 59, 377–411.
- Scholten, C., ed. (1997) *Johannes Philoponos. De opificio mundi. Über die Erschaffung der Welt*. Bd. 1–3. Freiburg: Herder.

References in Russian:

- Baranov, V. A. (2022) "Odushevlénie tela v traktate 'O sotvorenii mira' Ioanna Filopona" [Ensoulement of the Body in John Philoponus' 'De opificio mundi'], in: *Vizantija, Evropa, Rossija: social'nye praktiki i vzaimosvjaz' duhovnyh tradicij. Arhiv konferencii. Vypusk 2: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 22–24 sentjabrja 2022 g.)*, ed. O. N. Nogovitsin. SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 341–362.
- Nogovitsin O. N. "Mezhdú allegorezój i bukval'nym tolkovaniem knigi Bytija: jekzegetičeskij metod Ioanna Filopona v traktate 'O sotvorenii mira'" [Between the Allegoresis and Literal Interpretation of the Book of Genesis: Exegetical Method of John Philoponus in the Treatise "On the Creation of the World"], in: *Vizantija, Evropa, Rossija: social'nye praktiki i vzaimosvjaz' duhovnyh tradicij. Arhiv konferencii. Vypusk 2: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 22–24 sentjabrja 2022 g.)*, ed. O. N. Nogovitsin. SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 363–392.
- Nogovitsin, O. N.; Shhukin, T. A. (2021) "Ponjatije o Boge kak Tvorce v I knige traktata Ioanna Filopona 'O sotvorenii mira': bogoslovskaja jekzegeza i shkolv'naja neoplatoničeskaja filosofija" [The Concept of God as the Creator in the Book I of John Philoponus' Treatise "On the Creation of the World": Theological Exegesis and School Neoplatonic Philosophy], *Esse: Studies in Philosophy and Theology* 6.1, 238–285.
- Sidorov, A. I. (2000) "Ekzegetičeskie trudy Origena: Tolkovanija na Vethij Zavet" [The Exegetical Works of Origen: Interpretations on the Old Testament], *Alfa i Omega* 1(42), 80–93.

- Varlamova, M. N. (2020) "Odushevlenie embriona v kommentarii Ioanna Filopona na 'O dushe' Aristotelya" [John Philoponus' Arguments on the Animation of the Embryo in His Commentary on Aristotle's 'On the Soul'], *Platonovskie issledovaniya* [*Platonic Investigations*]13.2, 157–173.
- Vdovichenko, A.V., transl. (2000) *Filon Aleksandrijskij. "O sotvorenii mira soglasno Moiseju"* [Philo of Alexandria "On the Creation of the World According to Moses"], in: *Filon Aleksandrijskij, Tolkovanija Vethogo zaveta*. M.: Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina, 51–113.